

Секция «История социально-политических учений России»

Идейные источники русской социально-политической публицистики конца XV — начала XVI вв.

Хелик Артемий Сергеевич

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Факультет политологии, Кафедра истории социально-политических учений, Москва, Россия

E-mail: artkhelik@gmail.com

В конце XV — начале XVI веков московская элита столкнулась с совершенно новыми вызовами. Кроме противостояния ордынскому давлению и созданию нового образа Московского государства на международной арене, перед интеллектуальной элитой встала задача по объединению огромной массы людей, совсем недавно идентифицировавших себя как жителей конкретной «земли», в единую нацию. Сложно утверждать, насколько активно вопрос создания новой государственной идеологии поднимался в окружении московского князя, и был ли уже тогда выделен как одна из основных политических задач. Однако венчание Дмитрия Внука на великое княжение по византийскому обряду в 1498 году свидетельствует о попытках идеологически упрочить княжескую власть. Именованье Ивана III «царем» в «Послания на Угру Вассиана Рыло» и появление в том же сочинении образа «нового Израиля» послужило толчком к разработке столь необходимой мифологии власти [10].

Рассуждая о специфике русской средневековой социально-политической мысли, С.В. Перевезенцев делает акцент на особой роли, отведенной в ней христианской традиции, справедливо называя ее мыслью духовно-политической [6]. Авторство большинства русских публицистических произведений вплоть до XVII века принадлежало перу священнослужителей, лишь в XVI в. на публицистическую арену стали выходить яркие светские мыслители — Ф. Карпов, И. Пересветов, А. Курбский, Иван Грозный [1].

Принадлежность к Русской Церкви означала знакомство русских публицистов с совершенно определенным кругом текстов, лежащих в основе русского понимания христианства и, что не менее важно, текстов доступных для чтения и интерпретации. Огромную роль в этом отношении сыграла и общая специфика книжного хождения на Руси [8]. Абсолютное большинство источников, создаваемых или переводимых, носили религиозный характер. Основным же местом накопления литературы были ранние библиотечные собрания и «богослужбные книжные наборы» [5] - собрание литургических книг, необходимых для отправления культа в рамках отдельно взятой духовной корпорации [7].

Однако несмотря на эти уточнения, определение реального списка источников, используемых средневековым русским автором в ходе работы над произведением, не представляется возможным. Максимум для ответа на вопрос «Что же читал автор произведения? Что повлияло на его взгляды и форму их выражения?», делает А.И. Филюшкин в работе, посвященной просопографическому и герменевтическому комментарию к посланиям А.М. Курбского. Сравнивая исторические свидетельства, автобиографические данные и элементы авторского текста, Филюшкин пришел к выводу, что Курбский был знатоком Священного Писания, свободно оперировал библейскими цитатами и образами, был знаком с сочинениями современников (Максима Грека, Сильвестра, Феодорита Кольского), трудами Иоанна Златоуста, Афанасия Александрийского, Иосифа Флавия, Августина, житиями святых, критиковал имевшие хождения апокрифы [9]. Такой выбор литературы, сделанный мыслителем второй половины XVI века, не принадлежащим к священноначалию Русской Церкви, позволяет сконструировать примерный «книжный набор» большинства авторов конца XV—XVI вв.

Поиск некой литературной константы среди идейных истоков публицистических произведений конца XV — начала XVI вв. неизбежно приводит нас к Священному Писанию. Подобный вывод подтверждает контент-анализ заметных сочинений периода - «Послание на Угру Вассиана Рыло» [3], «Послания старца Филофея» [4] и «Послание о Мономаховых дарах» («Послание Спиридона-Саввы») [2] на предмет прямых отсылок к христианским священным текстам.

Вассиан Ростовский в начале «Послания на Угру» прямо указывает на основной источник своих идей, высказываемых государю: «Нын же дръзнух написати къ твоему благодству, нчто же мало хощу воспомянути от Божественаго писаниа, елико Богъ вразумит мя, на крпость и утвержение твоей держав». В целом, в этом небольшом по объему сочинении обнаруживается двадцать четыре случая прямого цитирования библейского текста и три случая не прямой отсылки к библейскому тексту через назидательное упоминание поступков ветхозаветных царей древности. Единственной небиблейской ссылкой является цитирование Демокрита, очевидно позаимствованное Вассианом из греческого сборника изречений «Пчела» переведенного в XII-XIII вв. [3]

Спиридон-Савва, предполагаемый автор «Послания о Мономаховых дарах», ведет довольно-таки свободное историческое повествование, соединяя древние библейские времена с событиями близких автору эпох, ставя в один ряд библейских персонажей и реальных исторических деятелей. Несмотря на отсутствие прямого цитирования библейского текста, контур повествования задан непосредственными ссылками на ветхозаветные события и персонажей, библейские книги воспринимаются автором как точно описывающие исторические события, а основная идея образной связи величайших правителей истории невозможна без библейского фундамента [2].

Старец Филофей в посланиях Мисюрю-Мунехину и князю Василию III так же прямо указывает на основной источник своего знания: «[. . .] Моему государю, вдомо, что яз селской человекъ, учился буквам, а еллинских борзостей не текох, а риторских астроном не читах, ни с мудрыми философы в бесд не бывал; учюся книгам благодатнаго Закона, аще бы мощно моя гршная душа очистити от грх, о сем молю милостиваго Бога [. . .].». Филофей сорок раз прибегает к прямому библейскому цитированию, используя его в качестве непререкаемой аргументации своих позиций, несколько раз ссылается на библейские концепции и образы, в частности, концепцию царств, восходящую к Книге пророка Даниила [4].

Исходя из вышеприведенных данных, можно сделать вывод, что общее господство религиозного сознания побуждало авторов публицистических сочинений XV-XVI вв. объяснять текущие события аналогиями из христианской истории, фактором божественного вмешательства и предопределения. Рассуждая на важнейшие темы в жизни государства, русские мыслители вполне естественно обращались к текстам, обладающим наивысшим духовным авторитетом — Священному Писанию (Библии) и Священному Преданию.

На основе интерпретации библейского текста в русской публицистике рубежа XV-XVI вв. был создан ряд духовно-политических образов и концепций, которые в дальнейшем сыграли огромную роль в построении идеологической концепции власти Московского царства. Это иллюстрирует наличие своеобразной связи между текстом Священного Писания и реальным политическим процессом.

Источники и литература

- 1) Комментарии // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 7: Вторая половина XV

- века. СПб., 2005. С. 553–555.
- 2) Послание о Мономаховых дарах (Послание Спиридона-Саввы) // Русская социально-политическая мысль. XI–XVII в. Хрестоматия. / Под ред. А.А. Ширинянца, С.В. Перевезенцева. М., 2011. С. 176–180.
 - 3) Послания на Угру Вассиана Рыло // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 7: Вторая половина XV века. СПб., 2006.
 - 4) Послания старца Филофея // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 9: Конец XIV — первая половина XVI века. СПб., 2006. С. 290-306.
 - 5) Розов Н.Н. Книга в России в XV веке. Л., 1981. С.107-108
 - 6) Русская социально-политическая мысль XI–XVII вв. Хрестоматия / Под ред. А.А. Ширинянца, С.В. Перевезенцева. М., 2011. С. 16.
 - 7) Слуховский М.И. Русская библиотека XVI-XVII вв. М., 1973. С.5
 - 8) Столяров Л.В., Каштанов С.М. Книга в Древней Руси (XI-XVI вв.). М., 2010. С. 50.
 - 9) Филюшкин А.И. Андрей Михайлович Курбский: просопографическое исследование и герменевтический комментарий к посланиям Андрея Курбского Ивану Грозному.- СПб.,2007. С. 37-42.
 - 10) Хорошкевич А.Л. Символы русской государственности. М., 1993. С. 27-28 с.